

МОДЕЛИ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И ПРОБЛЕМЫ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Виктор Еленский

Старший научный сотрудник
Института философии НАН Украины

Предлагаемый сборник статей представляет различные модели церковно-государственных отношений, сложившиеся в США и Западной Европе, т.е. в относительно стабильных обществах с развитой демократической системой, где нынешние принципы взаимодействия религиозных организаций и государства стали результатом достаточно сложной исторической эволюции, поисков икомпромисов. Однако адресовано настоящее издание прежде всего представителям посткоммунистических стран Центрально-Восточной Европы - ученым, религиозным и общественным деятелям, официальным лицам, работающим в сфере государственно-церковных отношений. Это уже само по себе делает необходимым ряд предварительных замечаний, поскольку посткоммунистические страны находятся в чрезвычайно специфических социально-экономических и общественно-политических условиях, не имеющих, пожалуй, исторических аналогов (да и сам термин "посткоммунизм" является весьма условным и дискуссионным). Кроме того, различия между самими странами, демонтировавшими (или демонтирующими) тоталитарные режимы, более чем существенны. Это в полной мере относится к комплексу проблем, возникающих на почве религии. Прежде всего, несмотря на то, что говорить о свободе совести и религии применительно к бывшим социалистическим странам не приходится, необходимо признать, что положение в них религиозных институтов было далеко не одинаковым. Если в Албании с 1967 г. были закрыты все храмы, монастыри и мечети, запрещена всякая религиозная активность и было объявлено о создании "первого в мире атеистического государства", то в Польше Римско-Католическая церковь пользовалась не только огромной поддержкой населения, но и сохраняла серьезные позиции во многих сферах общественно-культурной жизни, заставляя правительство считаться со своим мнением. Несколько, а порой и значительно более либеральной по сравнению с советской моделью была политика по отношению к религии и церкви в Югославии, Чехословакии, Венгрии и некоторых других социалистических странах. Уровень религиозной культуры, характер религиозного поведения, поддержка населением религиозных институтов также были и остаются здесь весьма различными. По данным репрезентативных опросов (European Value Program, 1991) в то время как религиозными считают себя 96% опрошенных поляков, в Восточной Германии, Чехии, Латвии этот показатель составляет от 32% до 38%, а в Эстонии -- лишь около 20%. Если не реже раза в месяц посещают богослужение 83% населения Польши, то в Словакии - 42%, в Словении - 35%, Литве - 28%, Венгрии - 23%, в Восточной Германии 17%, Чехии - 13%, Латвии - 12%.

И всё же рассмотрение религиозно-социальных процессов в посткоммунистических странах Центрально-Восточной Европы позволяет выделить достаточное количество общих для всех них характеристик. Очевидно, что упразднение различной степени жесткости ограничений на выражение религиозных чувств, признание общественной и экзистенциальной ценности религии, а также значимости церковного служения создало здесь новую ситуацию. Хотя изменения в гораздо большей степени сфокусировались на социальном, чем на индивидуальном уровне, религия стала играть все более важную роль в жизни обществ, а восстановление религиозно-институциональной структуры положительно сказалось и на росте личных обращений. Социальное разочарование неспособностью коммунистических правительств разрешить многочисленные обостряющиеся проблемы, породило надежду на неофициальные, не связанные с прошлыми режимами институты: в некоторых государствах, в первую очередь постсоветских, где до конца 80-х гг. не существовало даже локальных очагов гражданского общества, наиболее структурированными и мобильными среди таких институтов оказались именно церкви. Уровень доверия к ним со стороны населения оказался наивысшим.

В то же время посткоммунистическая ситуация принесла с собой, кроме всего прочего, и серьезнейшие проблемы на почве религии, оказавшиеся гораздо сложнее, чем это могли предположить в момент краха тоталитарных режимов не только наиболее непримиримые антикоммунисты, но и последовательные защитники старого строя. Потенциал религии как мощного фактора политической и этнической мобилизации оказался реализованным в очень высокой мере и окрасил в конфессиональные тона военные конфликты, не являвшиеся по сути своей религиозными (экс-Югославия, Закавказье). Изменение политической карты Европы и появление на ней целого ряда новых независимых государств повлекло за собой также и стремление к самостоятельности (или изменению юрисдикции) церковных организаций в этих государствах. Эти стремления встретили жесткое сопротивление со стороны религиозно-административных центров; конфликты между церковными метрополиями и провинциями, имеющие вполне определенный этнический характер, в значительной мере определяют характер посткоммунистической религиозной ситуации.

Эту ситуацию еще в большей степени драматизирует широкомасштабный конфликт между православными и католиками в целом, и между вышедшими из катакомб после почти полувекового перерыва Восточными Католическими (Униатскими) церквями - в частности. (Украина, в меньшей степени Румыния и Восточная Словакия).

Кроме того, Центрально-Восточная Европа стала объектом мощного давления со стороны различных миссионерских структур, а также новых религиозных движений, обретших именно в этом регионе после некоторого спада активности, вызванного сменой поколений и ухода из жизни целого ряда харизматических лидеров (Б.Прахупада в 1977 г., Л.Рон Хаббард в 1986 г., Ошо в 1990 г.), второе дыхание.

По некоторым данным (М.Эллиот 1996), количество работающих в Восточной Европе миссий возросло со 150 в 1982 г. до 750 в настоящее время. Масштабы разворачиваемой миссионерской деятельности вызвали тревогу со стороны церковных иерархов; противодействие зарубежным миссиям стало, по сути дела, одним из главнейших направлений активности многих церковных администраций. В результате в перегруженном проблемами пространстве появился еще один узел противоречий.

В ходе посткоммунистических преобразований, сопровождавшихся политической борьбой в самых различных формах (от партийно-парламентской до гражданской войны), Церковь не могла не оказаться вовлеченной в этот процесс. В некоторых случаях высшее церковное руководство пыталось предотвратить военные действия, либо способствовать мирному урегулированию (инициативы религиозных лидеров бывшей Югославии, руководителей Армянской апостольской церкви и Духовного управления мусульман Азербайджана по войне в Нагорном Карабахе, попытки иерархии Грузинской и Русской православной церкви предотвратить соответственно гражданскую войну и октябрьское 1993 г. вооруженное столкновение в Москве и др.). Однако религиозные институты во многих случаях несут и свою долю ответственности за эскалацию напряженности, использование религиозных лозунгов и риторики в разжигании межэтнической вражды.

В дополнение к этому, в целом ряде посткоммунистических обществ, религиозные институты с их общенациональной, глубоко эшелонированной структурой, значительным авторитетом в глазах населения, отработанной системой трансплантации достаточно сложных идей в ткань обыденного сознания стали, на фоне неразвитых политических партий, просоюзов и общественных организаций, особо привлекательными для сил, стремившихся к достижению (сохранению) позиций власти. Это также повлекло за собой серьезное осложнение религиозной ситуации.

Наконец, огромное количество внутрицерковных проблем, в известной мере ранее "снимавшихся" в изматывающем противостоянии давлению режимов, после их падения драматически актуализировались и привели к целой серии острых церковных конфликтов и расколов (Украина, Болгария). Во многих случаях внутрицерковная напряженность является более или менее адекватным отражением политической и социокультурной напряженности и неоднородности, существующих в посткоммунистических обществах, следствием исторических особенностей их развития.

При этом, в отличие от стабильных обществ, "транзитное" состояние посткоммунистических стран продуцирует "эффект домино", когда отдельная проблема влечет за собой появление и обострение другой, третьей и т.д., не всегда поддающихся локализации и требующих комплексного решения.

Таким образом, вопросы правового регулирования взаимоотношений между религиозными институтами и государством выступают в посткоммунистических обществах элементом значительно более широкого и сложного комплекса проблем, разрешение которого не может ограничиться лишь юридическим инструментарием.

Вместе с тем, модели государственно-церковных отношений США и Западной Европы, представляют философию взаимодействия этих институтов, базирующуюся на ценностях, безусловно признаваемых и уважаемых подавляющим большинством посткоммунистических обществ (по меньшей мере, если вести речь о странах Центрально-Восточной Европы). Этими ценностями являются свобода совести и религии, право не только исповедовать любую религию, но и свободно выражать (самостоятельно либо совместно с единомышленниками) свои религиозные чувства, действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями, либо не исповедовать никакой религии. Каждому человеку (а не только гражданину той или иной страны) гарантируется равенство перед законом вне зависимости от его религиозных убеждений, а границы религиозных свобод четко устанавливаются только законом и только в интересах защиты жизни и здоровья граждан и общественного порядка. Государство обязуется уважать внутреннее устройство религиозных организаций, гарантирует невмешательство в их внутренние дела (в абсолютном большинстве случаев), а также права религиозных меньшинств.

По большому счету, эта система государственно-церковных отношений опирается на философию, признающую примат личности над государством и то, что государство тем сильнее, чем выше благосостояние его граждан и чем последовательнее соблюдаются в нём гражданские права и свободы. Если учесть, что по данным многочисленных опросов таких взглядов придерживается -- с некоторыми оговорками или без них -- все же большинство населения посткоммунистических стран, можно говорить и о применимости "западных" моделей отношения между государством и церквями к "восточной" реальности. Тем более, что при кажущейся прозрачности основополагающих принципов этих отношений, воплощение указанных принципов на практике показывает насколько различно их понимание в обществах и насколько малоэффективными могут оказаться посткоммунистические законодательства при решении конкретных вопросов, возникающих на религиозной почве. Ведь во многих странах, прежде всего постсоветских, законодательство о свободе совести принималось на романтической волне конца 80-х - начала 90-х гг., когда раскрепощение Церкви, освобождение её от пут тоталитаризма представлялись задачами первостепенными, безусловно приоритетными перед проработкой частных юридических вопросов, способных возникнуть в отношениях между государственными и церковными структурами, а также между различными религиозными организациями. Однако кроме "раздекларации" существующих Законов, выработки действенных механизмов их реализации, правовые проблемы гармонизации государственно-церковных отношений требуют и развития различных сфер публичного и гражданского права, совершенствования судебной системы и повышения эффективности исполнительной власти.

Однако, повторимся, зачастую следует говорить не о частностях, а о базовых принципах. Представленный сборник даст возможность читателю убедиться, например, что понимание принципа отделения Церкви от государства "на Западе" и во многих

восточноевропейских, главным образом - постсоветских странах, принципиально разнятся. Прежде всего, там говорят об отделении Церкви и государства, в отличие от зафиксированного в Конституциях Российской Федерации, Украины и др. стран отделения Церкви от государства. Очевидно, что в первом случае подчеркивается равноправность субъектов государственно-церковных отношений, а не субъектно-объектный характер их взаимодействия.

Еще гораздо более серьезным представляется содержание, вкладываемое в принцип отделения Церкви от (и) государства. Для большинства представленных систем такое отделение означает неидентификацию государства с какой-либо религией и религиозной организацией, его нейтралитет по отношению к религиозным институтам автономии государства и Церкви в принадлежащих их компетенции сферах. Это отделение не означает отсутствия взаимопомощи и взаимоподдержки в государственно-церковных отношениях и положения, при котором два эти института не имеют ничего общего друг с другом. Во многих случаях государство прямо либо опосредованно финансирует Церковь, направляя средства на содержание каритативных учреждений, военных капелланов, больниц, интернатов, а также строительство и реставрацию сакральных зданий. Государство, другими словами, занимает позицию благожелательного нейтралитета: оно не только высоко ценит социальное служение Церкви и ее историческую роль в становлении и развитии нации, но и роль религии в ее моральном и культурном совершенствовании.

В постсоветских обществах зачастую, однако, сказывается влияние антагонистического типа отделения Церкви от государства, отрицающего возможность партнерства между этими институтами. Отношения между ними порой рассматриваются как односторонний процесс влияния государства на Церковь, использования ее в реализации тех или иных политических проектов, исключающий возможность оказания конструктивной помощи Церкви со стороны государства (наврядли к таковой можно отнести "помощь" властных структур доминирующим церквям в устранении с конфессиональной сцены их конкурентов). Между тем, Церковь вышла из многолетнего противостояния тоталитарным режимам чрезвычайно ослабленной, вытесненной из имманентно присущих ей сфер деятельности. Церковь просто не в состоянии в сжатые сроки выработать своего рода "теологию посттоталитаризма" и претворить ее в жизнь и поэтому остро нуждается во всесторонней помощи государства и общества. Последние в свою очередь также остро нуждаются в помощи Церкви, которая способна сыграть серьезную роль в преодолении тяжёлых социальных патологий посткоммунистических обществ. Думается, имеющийся в западноевропейских странах опыт государственно-церковного регулирования позволяет выделить плодотворные подходы для решения целого комплекса возникающих здесь проблем.

Иной блок проблем, требующих неотложного регулирования, связан с историческими особенностями стран Центрально-Восточной Европы. Подавляющее

большинство из них являются странами тысячелетней (и даже более длительной) христианской культуры, где политическая нация сложилась (складывается) вокруг определённого этнического ядра, а одной (реже -- двум) Церквям принадлежит особая роль в историческом процессе. Многие из этих церквей после десятилетий гонений и жестоких ограничений, принудительной селекции духовенства и епископата объективно не в состоянии дать адекватный ответ на вызов времени и конкурировать с религиозными институтами, имеющими сильный миссионерский корпус, надёжное финансирование, опыт благовествования, современные коммуникации. Такое положение вещей вызывает не только у церковных иерархов, но и в общественном мнении опасения изменения культурного лица и конфессиональной конфигурации их стран. Не вдаваясь в вопрос о том, насколько обоснованны подобные опасения, отметим существенную для данного контекста деталь: общественные и церковные опасения очень часто стимулируют запретительные акции со стороны законодателя и исполнительной власти. Подобный вектор урегулирования не только неэффективен с точки зрения сохранения и развития собственной духовно-культурной традиции, которую наврядли возможно утвердить с помощью подавления иных традиций, но и весьма сомнителен с точки зрения международных правовых документов, к которым присоединились посткоммунистические государства -- члены Совета Европы. Очевидно западноевропейские системы могут оказаться весьма полезны для конструктивного разрешения данного вопроса. Государства могут и достаточно активно и действенно поддерживают культуру, созданную отечественной Церковью, беря на себя значительную часть забот о состоянии сакрального искусства и архитектуры, богословского профессионального и непрофессионального образования и т.д., не ущемляя при этом неавтохтонные религии. Не менее интересными могут оказаться и конкретные механизмы обеспечения присутствия религиозных институтов в армии, лечебных учреждениях, публичных школах, пенитенциарной системе, средствах массовой информации. Наврядли можно считать нормальной ситуацию, при которой Церковь, к которой принадлежит если не большинство, то все-таки значительная часть населения той или иной страны, должна оплачивать теле- и радиозфирное время.

Вместе с тем, небесполезными для посткоммунистических государств могут оказаться и принятые в "западных" системах процедуры контроля за соблюдением религиозными институтами соответствующих законодательств, недопущение злоупотребления религиозными свободами в ущерб интересам личности, общества и государства. Отсутствие и неразработанность подобных процедур, как известно, не соответствует интересам обоих субъектов государственно-церковных отношений, поскольку, в одних случаях, ведет к ущемлению безусловного государственного интереса, а в других -- к злоупотреблениям властью и установлению необоснованных ограничений для религиозных организаций и верующих.

Авторы статей о "западных" моделях церковно-государственных отношений -- профессиональные правоведы, специализирующиеся именно в этой области права -- не идеализируют сложившиеся в их странах системы и указывают на положения, оставляющие возможности неоднозначного прочтения законодательных документов, нуждающиеся, возможно, не только в уточнении, но и в изменении. Очевидно также, что реалии посткоммунистических обществ изобилуют большим количеством неактуальных для Запада, но тем не менее требующих, естественно, своего правового разрешения проблем. Едва ли не самая острая из них для большинства посткоммунистических стран - возвращение национализированного в свое время церковного имущества (всего имущества, а не только культовых строений), вызывающая горячие дебаты и напряженность в таких разных странах как Россия и Словения, Венгрия и Литва, Украина и Чехия. Разумеется посткоммунистическим обществам предстоит проделать большую и самостоятельную работу по совершенствованию системы церковно-государственных отношений, сообразуясь не только с мировым опытом и демократическими принципами, но и собственными традициями, интересами своих граждан и государств. Процесс этот -- книга с открытым финалом, поскольку развитие социальных организмов постоянно ставит на повестку дня все новые и новые вопросы.

CHURCH AND STATE IN BELGIUM

Rik Torfs

I. Social facts

Although censuses have left no questions to be asked on the religious beliefs of the Belgian population, personal research does still go on. This has produced the following figures for religious conviction for 1987 [1] :

Catholics	75,0 %
- practising regularly	23,0 %
- non- practising	52,0 %
Nonbelievers	12,0 %
- confirmed nonbelievers	5,0 %
- nominal nonbelievers	7,0 %
Muslims	1,5 %
Protestants	1,0 %
Jews	0,3 %
Other religions/ sects	0,2 %
Indifferent / undecided	10,0 %